

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

No 52. Августъ, 1824.

ОБОРОНА КРЪПОСТИ ЯИКА (*).

ОТЪ ПАРТИИ МЯТЕЖНИКОВЪ.

(Описанная самовидцемъ.)

Появленіе злоумышленной партии Пугачева на линіи сдѣлало сильное, впечатлѣніе въ умахъ слабыхъ, необразованныхъ; въ семъ происшедшемъ невѣжескво и злонамѣрен-

(*) Яицкой городъ основанъ въ началѣ 17 столѣтія и по повелѣнію Императоры Екатеринѣ II переименованъ Уральскомъ, а вмѣстѣ съ иѣмъ шамошинѣ Ко-заки, за участіе въ бунтѣ Пугачева, лишены прежняго ихъ собственнаго правленія и иѣкоморихъ преимуществъ. Сие Уральское войско извѣсно было въ древности отважною, жадьгами и грабежами. Присоединяясь

носпль нашли обильную для себя пищу; при шакомъ смяшениі крѣпости Яикская, управляемая благонамѣренными начальниками, осипалась непоколебимою въ вѣриности

къ Державѣ Царя Михаила Феодоровича, не малое время сохраняло оно собственное Правление, обычай и нравы; попомъ имѣло державость воспрощивишия Правищельству, спрашившемуся ввесши между ими пишину, порядокъ и подчиненность; на берегахъ Яика разбойничаль извѣстный Разинъ; шамъ же Заруцкій съ Мариою Минишекъ, на побѣгѣ изъ Нерсію, искали себѣ убѣжища, и наконецъ, во время неудовольствія непросвѣщенныхъ Колаковъ на Правищельство, за вводимое онымъ благодѣтельное устройство, явился Пугачевъ и подалъ поводъ къ явному возмущенію, кошорое съ паденiemъ и казнью злодѣя совершенно прекратилось. Испоря оборона Яицкой крѣпости доспойна памяти попомешавъ съ одной споронъ по доспожальныхъ прымѣрамъ мужества и вѣриности Русскихъ воиновъ, а съ другой, по ужаснымъ послѣдствіямъ, кошорыми обыкновенно сопровождающейся вѣроломство, обманъ и злодѣйства миражники, наказываемыхъ не только въ сей ихъ жизни, но и въ пошомшивъ и въ вѣчности. — Въ Сѣверномъ Архивѣ иныиаго года (No.

къ престолу. Приближеніе къ онай отряда бунтовщиковъ подъ командою Толкачева, что случилось предъ праздникомъ Рождества Христова, и разнесшійся слухъ, что за 200 верстъ отъ Яика собираются мятежные шарши для овладенія крѣпостью, заставило принять оспорожность: отправлены шончаки команды къ ближнимъ хупорамъ, для открытия преданныхъ Пугачеву, но сіе оспа-лось безъ успѣха; обольщенные ими жители никого не выдали. Въ ночь съ 29 на 30 Декабря, Старшина Московщиковъ съ сильнымъ отрядомъ посланъ былъ для подобныхъ разведываній, но чрезъ нѣсколько

12 и 13) помѣщена любопытная сашька, подъ заглавіемъ: *Историческое обозрѣніе Уральскихъ Козаковъ*, въ коей упоминается о нѣкоторыхъ происшествіяхъ обороны Яика. Уральское войско, въ наспоящемъ его устройствѣ спрашивало только врагамъ отечества и изъ прежнихъ свойствъ сохранило одну храбрость. *Изд.*

часовъ изъ сего отряда прискакали въ крѣпость при Козака и объявили, что Мѣстовщикова, въ семи верстахъ отъ крѣпости, разбили многочисленныи толпами самозванца и взяли въ пленъ, при чёмъ замѣтили они у цепрѣшеля нѣсколько значковъ. Сие неожиданное явѣшие заставило жишелей Яика, оставшихся вѣриими, собраться въ репраншаментъ; между тѣмъ еще нѣсколько человѣкъ, возвращившихся изъ отряда Мѣстовщика, подтвердили то же самое. Хотя смятеніе и было велико, но шотчасъ приняты были нужные мѣры.

Въ слѣдующій день, въ два часа по солнечномъ восхожденіи (у называемыхъ по здѣшнему горохъ) появились мяшежники и распроспрашиваясь въ обѣ стороны, спарались занять въ степи болѣе проспрансива, дабы увеличить въ глазахъ нашихъ свои силы, колпорыя свы-

ше 700 человѣкъ не проспирались; ири нихъ находилось до 10 значковъ. Спустиясь съ горы, лежащей въ пяти верстахъ отъ городка, пустились къ нему во весь галопъ. Въ крѣпости ударили въ набатъ, но изъ жителей, по двукратномъ бою, никто въ оную не явился: это значило, что они приняли спорону мятежниковъ, и рѣпраншаменъ оспался подъ защитою одной воинской команды; обязанной долгомъ службы, которая, по малолюдству, не могла препятствовать входу бунтовщиковъ въ городокъ, рѣшившись защищать единственно крѣпость. Въ то же время спѣшили зажечь находящіяся вблизи спроемя, дабы непріяпель не могъ изъ нихъ наносить крѣпости вреда; но сие не удалось; мятежники, двинувшись быстро, успѣли занять ихъ и засѣсть въ дворахъ, избахъ и срубахъ, сдѣлали бойницы не болѣе, какъ въ четверть часа, и ошикры-

ли сильную спрѣльбу, дѣйствующуя съ высокихъ связей вокругъ насть дворовъ за то. Къ нимъ присоединились жители городка, поощряя другъ друга къ бунту и спремились пропивъ насть ято съ какимъ оружиемъ ни было; выспрѣлы ружейные сыпались подобно дроби, битой десятью барабанщиками, и штыкъ были для насть губительне, чѣмъ репраншаментъ былъ открытие предъ непріятелемъ, разъявшимся на избыхъ подволовахъ; не мало-ко люди, споявшиe на виду, были ими убиваемы, но и тѣ подвергались равной участии, кошорые на минуту поднимали голову изъ заплопа; бунтовщики попадали даже въ щели, изъ кошорыхъ спрѣляли солдасты. Причиною споль мѣшкой спрѣльбы было, во - первыхъ, близкое расположение—не болѣе го сажень, чрезъ кошорое мяшеники съ высокихъ мѣстъ удобно цѣлили въ осажденныхъ; а во - вторыхъ, пол-

ны ихъ состояли болѣею частію изъ охопниковъ (губельщиковъ), пры-
обыкшихъ съ малолѣтства къ про-
мыслу. — Важный уронъ осажден-
ныхъ, проспирившій до 100 че-
ловѣкъ, заставилъ употребить всѣ
способы къ испребленію строеній,
съ коихъ наносился вредъ; но
сіе сопряжено было съ большими
затрудненіями, ибо каленые ядра,
коихъ спрѣляли изъ крѣпости,
пробивая деревянныя стѣны, пада-
ли въ сѣль и угасали, или были
заливаемы осаждающими; ни одна
жара же могла быть испреблена
самъ способомъ. Наконецъ, 6-й коман-
ды при человѣка охопниковъ выа-
вались самоблизкайшій и вредней-
шій дворъ зажечь руками, чио и
учинили съ совершеннымъ успѣхомъ,
не бывши ни убиты, ниже ране-
ны (*). Огнь зажженаго дома заго-

(*) За сей важный подвигъ Команданшъ на-
градилъ ихъ деньгами, коихъ имъ чрезъ

рѣлся другой, рядомъ съ нимъ спо-
ящей, отъ чего большая часть
спроенія сгорѣла и облегчила оса-
ждающихъ опѣ вреда. Солдаты,
смѣя слукаемъ ободренные, дождав-
шись вечера, сдѣлавъ вылазку, ус-
тавили сжечь еще нѣсколько домовъ,
при чёмъ съ нашей стороны ни-
какого урона не было, хотя непрі-
яшель и спарался вредить.

На другой день* осажденные поль-
зовались лучшею безопасноснкою,
особенно послѣ того, какъ сажень
былъ высокій домъ Синельникова,
за чио охопники не осмѣялись безъ
награжденія. Но и тогда мяшени-
кимъ не оспавляли крѣпости въ
покоѣ, хотя и не могли наносить
шакого вреда, какъ прежде, спрѣ-
ляя безпресланно съ дальнихъ вы-
сотъ и изъ долгихъ пицалей. Къ
опиращенію сего сдѣлана вылазка,

меня и были доставлены. Впрочемъ они дѣй-
ствуютъ изъ усердія, сего не требовали.

состоящая изъ 25 человѣкъ, и замѣнены ближайшіе дома. Такія вылазки повторялись при днѣ сряду и споль уスピинно, чѣмъ вокругъ крѣпости очищено мѣсто съ одной стороны сажень на 100, съ другой на 40, а съ прешней на 25 сажень, при чемъ изъ числа осаждающихъ убито около 100 человѣкъ. Хотя сіи уスピхи и уменьшили дерзость бунтовщиковъ, но они изъзащищю себя немедленно приняли мѣры: обгорѣлую площадь, а особенно улицы, для воспрепятствованія дѣланій вылазки, огородили завалами, шириною бѣвенъ въ восемь, а высотою человѣка въ полпора: подѣлали бойницы, усилили караулы на пикетахъ; ружейная стрѣльба съ начала осады около недѣли продолжалась безпрерывно и не проходило минуты, въ которую бы не сдѣлали они десницы высѣровъ. Вскорѣ за симъ привезены были ими изъ-подъ Оренбурга пушки,

единорогъ и двѣ гаубицы, изъ коихъ ходя и дѣйствовали по крѣпости, но безъ успѣха; только одинъ солдатъ былъ убитъ.

Прибывшѣ въ Яицкой городокъ самаго начальника мяшениковъ, Пугачева, было началомъ важнѣйшихъ съ ихъ стороны предпріятій. Видя упорную защиту крѣпости, вознамѣрился онъ сдѣлать рѣшительный ударъ. Сообразно сemu, подъ одну изъ фланговыхъ башарей подвелье подкопъ, собравъ между пятью партию, въ числѣ коей было до 300 мужиковъ и вооруживъ всѣхъ, кто имѣлъ болѣе 12 лѣтъ и въ состояніи поднялъ оружіе, приготовилъ къ нападенію болѣе 4000 человѣкъ. Споль сильныя приуготовленія лѣшили его надеждою—побѣдить крѣпость, которой фасы опять понесенныхыхъ потерпѣвъ весьма обеалюдѣли, и на всѣхъ четырехъ стѣнахъ надежныхъ къ оборонѣ людей, съ резервомъ и не-

строевыми, могло набраться не больше 400 человекъ. 20 Генваря часа за три до разсвѣта былъ взорванъ мятежниками подкопъ; но какъ оный подъ самыи ровъ, слѣдовашельно и подъ спѣну подведенъ не былъ, то и башарѣ вреда не сдѣлалось; однако нѣкоторая часпь конгрескарпа сполько на низъ обсыла, чино въ ровъ и изъ онаго свободно входишь и выходишь спало можно. Еще пыль, разбросанная на воздухъ не очистилась, какъ будницики, поднявъ обыкновенный свой крикъ, всею полпою приспутили ко рву и до 400 человекъ съ двумя значками, бросившись, наполнили оный. За ними слѣдовали прочіе, а мужики явились съ лѣспнициами, числомъ до 100, дабы съ помощю оныхъ лѣзть изъ рва на репраншаменль. Между тѣмъ гарнизонъ скапилъ оружіе и въ одну минуту открыль изъ амбразуръ картечью и ядрами споль-

сильной огонь, чи то всѣ тѣ, ко торые находились на пло щади предъ крѣпостью, были убиты и пло щадь была опять непріяшель очищена. Бунтовщики, обѣжавши спрахомъ, не смѣли показаться изъ за спро енія, холпя и были къ шому побуж даемы копьями и орясинами. Во все сіе время производилась съ ихъ спорона сильнейшая спрѣльба изъ орудій и ружей, причинившая осажденному немалый уронъ, и продолжалась далѣе половины дня. Но изъ изъ бунтовщиковъ, ко торые при началѣ дѣла ворвались въ ровъ, начали оный подкальгать, дабы уронить бащарейныя стѣны, другие подрубали заплощные сполбы, иные взойдя во рву на лѣсницу и спряшившиесь опять выспрѣловъ съ бащарем, наносили вредъ гарнизону и произвели въ ономъ робосинъ. Рѣшились сдѣлать вылазку; 6-й команда Подпоручикъ Полтнова ловъ едва успѣла собрать охопниковъ

45 человѣкъ, рѣшившихся на сей опасный подвигъ. Сначала съ башареи, подъ которою находились во рву бунтовщики, спали бросань горячую золу и липъ варь, и когда они симъ были приведены въ беспокойство, тогда спущенные изъ за угла башарейного рва на вылазку люди спремышельно ударили на нихъ штыками и пулями. Послѣ слабаго и краткаго сопротивленія, бунтовщики всъ до одного обратились въ бѣгство; но какъ за шѣснадцатою скоро бѣжать не могли, то, ять смятениемъ, другъ друга давили и беззащитно были убиваемы солдатами; иль же, которые изъ рва успѣли выбѣжать, подверглись убийственнымъ выспрѣламъ съ башареи и съ задняго фаса, дѣйствовавшаго изо 100 ружей. Въ сей день Пугачевъ потерялъ убитыми и умершими ошь ранъ до 500 человѣкъ; а оспальные лишились бодрости. Сначала штурма и до окон-

чанія онъ самъ находился въ дѣлѣ. Уронъ гарнизона, въ сравненіи съ непріятельскимъ, хотя и не важенъ, но, по причинѣ малолюдства бывъ чувствителенъ. Въ числѣ убитыхъ находились: Поручикъ и Артиллерійскій сержантъ.

Около 1 Февраля производилась въ городкѣ, занимаемомъ бунтовщиками, пушечная пальба и колокольный звонъ, во весь день продолжавшійся. Причиною такого торжества была свадьба: Пугачеву понравилась дочь отставнаго Ко-зака Кузнецова, Успинья, девка самая обыкновенная, дослойная грубаго вкуса его, и онъ на ней женился. Свадьба сія поколебала довѣренность просплюдиновъ къ мя-тежному предводителю. Проспльные умы народа легковѣрнаго сколь легко могли быть обольщены, сколь же легко и освободились отъ заблужденія. Начали сомнѣваться въ томъ, что бы Пучегавъ бывъ Царь,

за каковаго его выдавали сообщники; удивились, что споль важная особа могла женииться на простой девкѣ; многие о семъ говорили самому самозванцу; но когда онъ объявилъ, что тому, кто впредь спасетъ ему шакъ говоришь, будесть отвѣтить висѣлицею, тогда всѣ умолкли; просплюдины, отъ спраха смерти величали Успинью, кланялись ей до земли, цѣловали руку ея и изъявляли ей другія почесты, забывая, сколько все это не шло къ лицу Успинни.

Вскорѣ послѣ сего бунтовщики приспустили къ посироенію башней. Мѣсто выбрали на Яру Спарицы, изъ которой былъ ими сдѣланъ приспушъ, позади избѣ; вблизи находилась ихъ низменная башня, опустошая отъ крѣпости не болѣе 20 сажень. Надлежало уничтожить ихъ намѣреніе, и 9 Февраля сдѣлана изъ крѣпости вылазка, которая доспигнула башней и

спроеній, не бывъ примѣчена; спали оные зажигашь. Тогда бунтовщики ударили всполохъ и подъ предводительствомъ самаго Пугачева бросились къ сему мѣсту, принудя гарнизонъ возвращающиися въ крѣпость. При семъ случасъ хотя и не всѣ спроенія сожжены, однако ж башаремъ и ближайшиe дворы сгорѣли безъ остатка, и мѣсто предъ крѣпостью очистилось на 50 сажень. Сія успѣшная вылазка означала у бунтовщиковъ способъ нападать на крѣпость изъ ближайшаго пунтина, какимъ было обожженное мѣсто. Гарнизонъ во время вылазки сей потерялъ не мало храбрыхъ людей.

При сей вылазкѣ случилось любопытное происшествіе: 7-й команда унтер-офицеръ Сапугольцовъ, находившійся и прежде на всѣхъ вылазкахъ, вожигая одну избу, не замѣтилъ, что прочие солдаты, съ нимъ бывшие, возвратили-

ались къ реиншаменшу, а онъ
оспался только самиреши, бывъ
окруженъ мялжниками. Товарищи
его были убиты, а онъ, пяжело ра-
неный, не имѣя силы къ продол-
женю сраженія, легъ въ избѣ про-
шивъ дверей подъ лавку съ шьмъ,
дабы посльднимъ выстрѣломъ по-
разить иного, юно войдешь и по-
шомъ умереть смертию храбраго.
Пугачевъ съ обнаженною саблею
первый вѣжаль въ избу; Сапуголь-
цевъ выстрѣлилъ, но, ослабѣвшій
отъ ранъ, сдѣлалъ выстрѣлъ не-
вѣрный: пуля пролетѣла мимо
злодѣя, задѣвъ одно его платье.
Ожесищенный непріятель изру-
билъ сего храбраго солдата на ча-
сни.

Въ реиншаменшѣ находилась
соборная церковь съ высокою ко-
локольнею. Та и другая съ валомъ
передняго фаса соединяли одну
линию. Колокольня, выше Орен-
бургской, имѣла свободный ходъ

подъ самый верхъ; надъ самыми колоколами были два подмоспса, изъ коихъ на высшемъ во всѣ спороны восемь оконъ. Сie огромное зданіе было сильнѣйшею въ крѣпости башарею; на него подняты были двѣ 3-хъ-фунтовыя пушки, первая подъ самые колокола, которые по сей причинѣ сняты, а другая на верхній подмоспъ, высотою отъ земли одна на 9, а послѣдняя на 13 сажень. Тамъ же безпресстанно находились искуснѣйшия спрѣлки. Не проходило дня, въ которой бы не было съ колокольни убийствъ сколько непрѣятелей, иногда шесть человѣкъ и болѣе, такъ, что окружности ни конный, ни пѣший не смѣлъ показаться. Пушки дѣлали вредъ за версту; особенно при штурмѣ башареи непрѣятели много потерпѣли отъ дѣйствія спрѣлковъ, бывшихъ на семъ зданіи, при чёмъ и самъ Пугачевъ едва не былъ убитъ. Столъ выгод-

ное для гарнизона мѣсто обратило на себя все внимание непріятеля, и онъ положилъ опровергнуть колокольню подкопомъ, во что бы то ни спало; имѣя въ предметѣ: 1-е лишить гарнизонъ швердаго шункаша, 2-е испребинъ артиллераційскіе заряды, подъ колокольнею хранящіеся, что было ему извѣстно чрезъ перемѣтчиковъ; 3-е предполагалъ, что взорвавъ колокольню, разстроить гарнизонъ убылью въ людяхъ, ужасомъ и нечаянностю, и сдѣлавъ приспуть удобно овладѣть крѣпостью. Осажденные, зная важность сего мѣста, для предупрежденія непріятельскаго подкопа, рѣшились прорыться изъ крѣпости на виѣшнюю сторону и вырыть прошивъ церкви и колокольни, во всю дистанцію, подземный ходъ, дабы непріятель не могъ съ своей стороны сдѣлать подъ зданіями взрыва: работа производилась успѣшно и прошивъ церкви почши уже ходъ былъ прорытъ; надѣя-

лись сдѣлать таковой же и пропиши колокольни, но непріяшель въ шомъ предупредилъ: 18-го Февраля явился къ репраншаменшу сынъ Яицкаго Козака Неулыбина, судимаго Оренбургскою Коммисіею и объявилъ Коменданцу, что Путачевъ сдѣлалъ подъ колокольню подкопъ, копорой 17-го числа и оконченъ до фундаменшнаго буша; ввечеру сегодня былъ у нихъ кругъ (собраніе), на которомъ положено собраться предъ свѣшомъ къ шпурму, и когда колокольня будешь взорвана, шпур часть всѣмъ ишии въ проломъ. — По полученіи сего важнаго извѣстія, немедленно сдѣланы были нужныя распоряженія: приказано всѣмъ людямъ быть въ ружьѣ, а офицерамъ при своихъ фасахъ, за жесть филили и споясь въ головноспіи къ ошинору; въ одну минуту вынесли изъ-подъ колокольни порохъ, разобрали въ ней кирпичной полъ и начали рыть

борозду въ шой надеждѣ, дабы подрыться подъ непріятельскій подкопъ и уничтожишъ его намѣреніе. Непріятель, подстерегши рабочу сю, ускорилъ исполненіемъ своего намѣренія и не дождавшись привозу то пудъ пороха изъ Гурьева городка, подложилъ сколько онаго случилось, завалилъ устине каморы, бросилъ огонь, и подкопъ взорвало. Колокольня, зашатавшись, съ удивительною тихоспію начала валииться въ репраншаментъ; на самомъ верху оной спали при человѣка: не разбудя, снесло ихъ и съ поспелыми на землю, чemu, по высоцкъ зданія, прудно даже повѣришь; бывшую на верху пушку съ дафешомъ сославило на низъ. Хотя паденіе было тихо, и камни, не бывъ разбросаны, свалились въ груду, однако около 45 человѣкъ лишились при семъ случаѣ жизни. Сіи несчастные были большею часію егери 7-й команды, сноявши

на верху колокольни, на спънкѣ между оною и церковью, въ шалашъ и кибиткѣ, шутъ же находившійся. Кромъ ихъ задавлены канонеры, бывшие при двухъ пушкахъ, Козаки и погонщики, рывшие въ колокольнѣ борозду, также нѣсколько человѣкъ, пришедшихъ къ сему мѣсту для любопытства. — Лишь только раздался опь подрывъ ударъ и еще колокольня, валившись медленно, не совсѣмъ упала, какъ на всѣхъ фасахъ крѣпости загорѣлся огонь; артиллерія загремѣла и, казалось, не непріятель насть, а мы его намѣрены были апаковать нечаянно. Бывъ приведены въ удивленіе шакою вспрѣчею гарнизона, по мнѣнію его, разстроеннаго и уничтоженнаго паденiemъ колокольни, и, вспрѣчая повсюду лежащія пули и ядра, онъ оспановался въ нерѣшимости, не смѣя показаться изъ-за валовъ. Чрезъ нѣсколько минутъ матежники, не-

выходя изъ засадъ, подняли визгъ, обыкновенный при всякомъ ихъ нападеніи, и хотя начальники ихъ кричали: „на сломъ! на сдомъ! ашаманы молодцы!“—но послушанія не было; нѣкоторые же Козаки отвѣчали имъ, чтобъ шли сами. Осажденные, примѣшивъ сіе, умалили спрѣльбу, и, лежа на прикладѣ, гопловы бывши вспрѣшишь ихъ пушкими. Визгъ продолжался до свѣту, а послѣ прекратился и присступу не было. Пугачевъ съ сообщниками ищемно спарались ударить всѣмъ многолюдствомъ на крѣпость: ни кто ихъ не слушался и всѣ разошлись по домамъ съ роптаніемъ, что ихъ обманывали, увѣряя, будто взорваніи колокольни упадетъ на крѣпость каменный градъ и всѣхъ солдатъ передавишь. — Такъ кончилось препріятіе Пугачева, на которое полагалъ онъ большую надежду. Если бы Неулыбинъ успѣлъ съ извѣстіемъ сушками прежде,

гарнизонъ, принявъ мѣры, ничего бы не потерпѣлъ, но Козакъ сей сдѣланъ онаго не могъ по соблюданіи мялжниками оспорожнѣши; за усердіе свое, посредствомъ кошораго, подвергалсь опасности, даль способъ спасли артиллерійскіе припасы, подъ колокольнею бывшия, награжденъ онъ деньгами.

Колокольня взорвана только 12-ю пудами пороха; хотя же и предполагалось употребить для сего 50 пудовъ, но за шоропливостію подложить не успѣли. На уцѣльвшей части пищаль сдѣлана была возвышенная башарея, пониже которой на шомъ же фасѣ поставили другую, и такими мѣрами привели мѣсто сіе опять въ безопасное положеніе.

(Продол. об слѣд. книжкѣ).

ОБОРОНА КРЫПОСТИ ЯИКА

отъ партии мятежниковъ.

(Окончаніе.)

19 числа Февраля замѣчено въ го-
родкѣ необыкновенное движение,
которое продолжалось на другой
день и далѣе. Сперва выѣхали изъ
онаго до 500 человѣкъ двуконныхъ
съ значками, направляя путь къ
Оренбургу, попомъ выѣзжали въ
упряжкахъ до 1500 повозокъ. Пуга-
чевъ выѣхалъ вмѣстѣ съ первымъ
отрядомъ. Причиною сего движе-
нія, какъ извѣспилъ насъ бѣжавшій
Козакъ, было приближеніе къ Орен-
бургу войскъ, о чемъ самозванецъ
былъ уведомленъ чрезъ нарочного,
и что войска сіи, слѣдун по Самар-
ской диспансціи, прошли уже Бузу-
лукъ. Столъ пріятное извѣспіе по-
селило между гарнизономъ бодростъ.
Надежда получила скорую помошь
веселила каждого изнуренного сол-

Ч. XVIII. К. LIII.

15

дата. Полагали, расчищивали, что оная приспѣешъ къ крѣпости на масляницѣ, а много на первой недѣль поспа. Послѣдствія доказали, что мы ошибались.

Опѣздъ Пугачева не остановилъ осады; оная продолжалась съ дѣятельносію. По начамъ мящежники спроили чешвершую башарею, укрѣпляли завалы и вмѣсто низкихъ спавили высокіе; рылись въ землѣ, заставляя осажденныхъ опасаться новыхъ подкоповъ; заготовляли въ кузницахъ земляные инструменты, привозили лѣсъ на подставки и подмоскви. Между шѣмъ осажденные изнурялись караулами, проводя зимнее время на сѣжѣ; недоспавало дровъ, земляныхъ инструментовъ, кромѣ небольшаго числа лопатокъ и топоровъ уже изломанныхъ; лѣсу совсѣмъ небыло, такъ, что и каши солдатской сварить было не на чѣмъ; при всемъ этомъ, нужно было рабочать по

всему рву, дабы привесить оный въ
безопасность, но земля промерзла на
цѣлый аршинъ и ее надлежало ру-
бить, какъ камень, что очень за-
труднило работу. Необходимъе се-
го было: 1-е, вырыть подземной ходъ
пропасть церкви и колокольни, гдѣ
рва не было на разстояніи 20 са-
женъ; 2-е, сдѣлать глубокій окопъ
пропасть каменнаго спроенія, ко-
торое примыкалось къ одному углу
решраншаменса, гдѣ содержался ошъ
насъ сильной пикетъ; 3-е, прорыть
глубокіе рвы пропасть трехъ не-
пріятельскихъ башней, для во-
спрепятствованія весни подкопы.
Такая работа была почти превыше
возможности, и гарнизонъ ходя
занимался оною, но неимѣль надеж-
ды кончить до шого времени, до
котораго бы могло доспать про-
віанша, въ коемъ недоспавокъ
представлялся ужаснѣйшимъ не-
пріятелемъ. Замѣти нашу работу,
бунтовщики нѣсколько оробѣли;

*

имъ казалось, чио мы роемъ подкопы подъ ихъ башареи, и понюму, спасаясь нечаянного взрыва, держали караулы въ ошдаленности; между пѣмъ спроили новую обширнѣйшую башарею, котерую, возвысивъ до прехъ сажень, оспавили было безъ окончанія; но увѣдомясь оль бѣжавшихъ съ работы Яицкихъ колодниковъ о крайности гарнизона и недоспаниѣ провіанша, также о причинѣ нашей земляной работы, ободрились, начали производить сильную спрѣльбу по крѣпости, а ночью, принявши за башарею, въ скорости ее окончили.

Сія башарея была несравненно выше всѣхъ прочихъ и по опмѣнной своей высотѣ могла дѣйствовавшъ почти на весь репраншаментъ; для отвращенія такой опасности рѣшились перегородить крѣпость каменными спѣнами и возвысить съ сей стороны валъ насыпанными пескомъ кулями. Для

сего употреблень быть кирпичь разрушенной колокольни. Бунтовщики, замѣшя сіе, возвысили свою башарею еще на зе-вѣнцовъ, сдѣлавъ ее подобною высокой башнѣ. Неменѣе сей должна быти и другая ихъ башарея, прошивъ нашего передняго фаса начашая, для поспроенія копорой употребили они цѣлую Чаганскую башню и вывели— было уже вровень съ высокими избами; земляная ихъ работа съ иной спороны, гдѣ была высокая башарея и двѣ другія, продолжалась день и ночь. Сполъ дѣлательная осада, въ такое время, когда большая часть Козаковъ находилась съ Пу-
зачевымъ, заспавила осажденныхъ опасаися и предполагали, что все сіе дѣлается во ожиданіи скораго возвращенія самозванца. Сіе иже было вѣроятнѣе, что въ случаѣ какъ побѣды, такъ и пораженія, онъ долженъ прибытии къ крѣпости и могъ надъ окою испытать

послѣднія свои силы. Къ предупрежденію такой опасности положено, пригласивъ охопниковъ, сдѣлать вылазку, которой предметомъ должно быть: 1-е, не удастся ли сжечь сдѣланныя пропивъ крѣпости батареи и нѣсколько близъ лежащаго спроенія; 2-е, дослушать плѣнныхъ и чрезъ нихъ, или если какой либо другой случай представится, изслѣдованиемъ, куда именно и сколько ведутъ бунтовщики подкоповъ, 3-е, стараясь кого либо изъ бунтовщиковъ захватишь, дабы узнать о положеніи самозванца и нашихъ войскъ, пропивъ его дѣйствовавшихъ, о числѣ оставшихся въ городѣ людей и о другихъ нужныхъ предметахъ. — Главнѣйшая причина сей вылазки было желаніе храбрыхъ солдатъ, желающихъ оказаться отличие. Охопниковъ набралось до 250 человѣкъ. Никогда еще споль многолюдной вылазки нами сдѣлано не было. Положено сдѣлать на-

паденіе съ двухъ споронъ, и для
того одна часинъ соспавлена была
изъ 150, а другая изъ 100 человѣкъ.

Вылазка сдѣлана 9 Марта (*) на
разсвѣтъ, такимъ образомъ, что до-
свѣта солдаты переправились изъ
репраншамента чрезъ ровъ, а ког-
да показался свѣтъ, подошли къ за-
валамъ съ шихостю, и нечаянно на
оные ударили; однако вспрѣчены
были сильными непріятельскими
пикетами; всемѣстные завалы и
перегородки препятствовали идти
далѣе; ибо проходы столько были
тѣсны, что должно проходить по
одному только человѣку въ рядъ и
подвергаться выстрѣламъ бунтов-
щиковъ, которые ежеминутно оль-
тревоги умножались. Въ сie время
солдаты, находясь въ открытомъ
мѣстѣ, терпѣли немалый уронъ, и
какъ небыло нималѣйшей возмож-
ности, проникнуть далѣе и зажечь

(*) Въ день Свѧтыхъ 40 Мучениковъ.

спроенія, или башареи, что они и принуждены возвратиться въ репраншаментъ. Описание ихъ представляло жалостнѣйшее позорище: каждый бѣжалъ, сколько могъ, и офицеры не могли ихъ привесить въ порядокъ; ибо не было безопаснаго мѣста, гдѣ бы они могли собрались. Бунтовщики, увидя описание, открыли жестокую спрѣльбу, обращая выспрѣлы къ яному мѣсту, гдѣ были шолпы солдатъ. Надлежало всѣмъ бѣжать порозы: шѣ, которые не пакъ далеко зашли и не были ранены, возвратились счастливо въ репраншаментъ; раненые и зашедши впередь отстали. На нихъ обратилъ непріятель всю свою свирѣпость: иные были захвачены на самыхъ переходахъ чрезъ завалъ, другіе на шѣхъ дворахъ, гдѣ были для зажигательства, а многие застрѣлены при описчуплѣніи; но всего чувствительнѣе было видѣть, какъ

злодѣи, смѣшавши съ солдатами по сю спорону завалевъ, иныхъ шаскали въ плѣнъ, а раненыхъ, падавшихъ огнь без силія, варварски кололи; нѣкоторыхъ же рубили шпорами, шаская за волосы, и отсѣвая прочь головы. Чтобъ данъ помошь симъ страждущимъ, надобно было имъть не менѣе 300 человѣкъ; но такого числа взять было мегдѣ, и при томъ не сполько могли бы избавить отъ смерти, сколько бы вновь потерпѣть.

Никогда съ такими урономъ люди наши не возвращались съ вылазки. Однихъ убитыхъ было до 30 человѣкъ, да раненыхъ около восьми коихъ нѣкоторые погожь самаго дня, а другіе въ скорости и померли. Польза вылазки не соопытывалася споль важному урону: удалось сжечь одну башарею, что изъ Чаганской башни спроилась, и въ сколько дворовъ. Солдаты до высокой башареи не были далеко допущены.

щены, а до подкопу, откуда онъ^и вели, еще дальше. Словомъ сказашъ, почти ничего не сдѣлано, чи^{то} предполагалось, кроме взятия трехъ^и плѣнныхъ, которые объявили, что въ городкѣ на пикетахъ находятся болѣе 1000 человѣкъ; подкопы ведутъ съ двухъ споронъ; имъютъ намѣреніе начать и третій; рѣткой же со спороны высокой башней приходишь къ окончанію, да и намѣрены провески онъ въ два мѣсца, одинъ подъ споящиа на шомъ фасѣ пушки, а другой подъ камору, въ которой живеть Командантъ съ Офицерами, дабы испребя начальниковъ, удобнѣе напасть на солдатъ. Сказывали еще чи^{то}. Пугачева ожидаюшъ ежедневно, и для иного всѣ работы спѣшашъ кончиши къ его прїѣзду; а о приближеніи къ крѣпости помощи, ничего не слыхали. Такія вѣспи привели гарнизонъ въ уныніе: единственное спасеніе оспавалось въ скоп-

ромъ прибытии помощи. Провіанша было по самой скудной пропорціи не болѣе, какъ днѣй на 10; надлежало ону єще умалишь; лазареты наполнились больными и ранеными, а фасы и другіе посты обезлюдили; земляная рабоча прибавилась; ибо положено Коменданскую камору со спороны непріятеля обрыть рвомъ, дабы предохранишь ее отъ подкопа; около нее и въ ней безпреспанско пробовали землю длинными буравами, нѣшь ли гдѣputeсты, отъ подкопа происшедшей; многимъ казалось, что дрожили уже поль, по каковой причинѣ иные въ каморѣ и ночевашь не рѣшились. Какъ бышь? смерть спрашивай всякаго: были шакіе, которые, во ожиданіи близкой смерти, хотя и облеклись въ благочестіе, но оставивши свѣтъ спрашились не менѣе другихъ.

Послѣ сего завалы укрѣплены были бунтовщиками шакъ, что ни

въ одномъ мѣстѣ опѣ крѣпости не было къ нимъ доспѣху. На сей конецъ, сверхъ бывшихъ вездѣ бойницъ, прорубили пушечныя амбразуры, поставя пушки, а на мѣсто стоявшей башней едѣлали, на самомъ яру Спарицы новую. Между тѣмъ въ крѣпости, опасаясь взрыва подкоповъ, почти всѣ ночи не спали: половина людей была всегда на ружьѣ, а другой позволялось дрожать сидя, холодъ и голодъ приводили на сѣ въ отчаяніе, кошорое съ каждымъ днемъ умножалось. Наспѣшилъ праздникъ Благовѣщенія, а помощи ни откуда не было. Голодъ, переносимый досель съ извергомъ, едѣлся пягостнѣй, особенно женщинамъ, кошорыхъ число съ малыми дѣтьми преиспалось до 100; фунгть шулchi продавали уже по 70-коп., муки по полтинѣ, овса по 25-коп., да и того въ продажу недоставало. Многіе начали просить о выпускѣ въ городокъ, чѣмъ по не-

обходимости и было позволено; бунтовщики однако же на то не согласились, требуя, что бы все колодники были имъ выданы; но осажденные сие отвергнули, дабы не умножить освобождениемъ оныхъ число своихъ непрятелей, которые, вознамѣрившись крѣпость принудить къ сдачѣ голодомъ, и послѣ сего могли найти къ принятию вышедшихъ изъ крѣпости новые препятствія. Женщины, бывъ предержаны одну ночь подъ карауломъ, прогнаны были бунтовщиками обратно въ крѣпость. Съ сего времени начались бѣдствія наши; солдатамъ сдали выдавать въ сумки только по четверти фунта муки, что сосставиша десятую часть обыкновенной порціи; шакою малоспію, безъ крупы и соли, можно ли было питаться? и волѣ какимъ образомъ они приготавляли себѣ пищу: сваря артельный кашель воды; когда она вскипѣла, клю-

чемъ, бросали шуда пригоршни муки, опь чего вода только что побѣльешь, тогда каждый наливъ свою порцію въ чашку, пиль, и долженъ пить оспапиться довольноымъ; можно сказать, что они пипались одного горячею водою. При такомъ бѣдствіи вспомнили, что въ началѣ осады, мѣсяца за три до сего, брошены на ледъ убитыя лошади, которыя и были съѣдены собаками; хринялись за нихъ, и голодные люди съ жадносью глодали кости, оставленные собаками, разваривая ихъ раза по два въ баламыкахъ. На ближнихъ къ репраншаменшу квартирахъ содержались сапованныя лошади, во время бывшаго пожара вмѣстѣ съ дворами пошь сгорѣвшіе, и тѣхъ употребили въ пищу, не взирая на великой опь нихъ смрадъ. Наконецъ и сія прозвизія испощилась и заспавила изобрѣтать новые къ пропишанію способы: нѣкоторые усмодрѣли въ

рѣчномъ яру глину, которая по оимѣнной мягкости не хрустѣла на зубахъ; попробовали положить ее въ кипяшокъ и, сваря на подобіе киселя, или жидкой каши, по необходимости, нашли способною къ употребленію; первымъ опытомъ послѣдовали другіе, и наконецъ рѣдкой уже оспался, кто бы не тѣль землю сію. Это была послѣдняя степень крайности! Можешь быть нынѣ не спастишь тому и вѣришь, однако все сіе есть испытана и можетъ подтвердиться многими свидѣтелями.

Наступило Вербное воскресенье. Солдаты, изнуренные голодомъ, начавшимся почти съ самого Благовѣщенія, со всѣмъ обезсили; казалось, что ихъ можешь шашать вѣшь, а нѣкоторые и ходить не могли. Женщины съ малолѣтними дѣтьми нѣсколько разъ, выдя изъ рефранщамена, спарались проинуть буцшовщиковъ своимъ бѣд-

спивіемъ и проливая горчайшія слезы, валились у ногъ, чтобы позво-лили имъти пребываніе въ городкѣ; но были безчеловѣчно прогонялемы назадъ съ требованіемъ освобожде-нія ихъ сообщниковъ, 'содержимыхъ въ крѣпости. Одни Яицкія жен-щины были приняты. Жалко бы-ло смотрѣть на малолѣтнихъ, ко-торыхъ матери лежали въ изнемо-женіи на поспель; другіе бродили подобно шѣнямъ. Кто имѣлъ день-ги, шолъ иногда могъ доспать фунтъ шолчи за 2 р 50-коп., но и то рѣдко; гдѣ же взять оныхъ бѣд-нымъ солдаткамъ? — При наступ-леніи спрасной недѣли, въ крѣ-пости совершенно ничего не было.

Ожидаемой нами помощи не при-ходило. Рано слишкомъ мы начали ожиданіе ее: сначала осады никакъ не думалъ, чтобы она не подоспѣла въ Генварь. Наступилъ Февраль, а ее не было; ждали къ 15 числу сего мѣсяца, когда жъ и сіе не сбы-

лось, полагали увидѣть ее на ма-
сляницѣ, цопомъ на первой и
второй недѣль; а чтобы ей бысть
къ Благовѣщенію, того требовали
самыя наши обстоятельства. Про-
текло еще при недѣли, а обѣ ней
и слуху не было. Зная крайнее по-
ложение гарнизона, бунтовщики
кричали солдатамъ, что команды,
следующія къ Оренбургу, были всѣ
разбиты Пугачевымъ, по примѣру
тѣхъ, о которыхъ давно уже было
извѣстно, что будто Оренбургъ
находится въ крайности; а иногда
утверждали, что онъ уже взяты
и многіе города, какъ шо: Казань,
Уфа, Самара и прочіе преклонились
къ самозванцу, который къ Яику
отправляетъ сильную армію, по
прибытии коей крѣпость должна
покориться, и тогда никому не бу-
детъ пощады. Такими извѣстіями
спарались преклонить солдатъ къ
сдачѣ, увѣряя клявшенно, что са-
мозванецъ имъ ни чего не сдѣлаешь,

а будуть отъ него только жалованы , если добровольно сдадутся ; также подтвердили и солдаткамъ , просившимся въ городокъ , съ величайшими обнадеживаниями и обещаніями , совѣтуя имъ преклонять мужей къ шому , чтобы Комендантина и Офицеровъ посадить въ воду , а самимъ выходить безъ опасенія . Подобныя сему убѣжденія дѣлали они и чрезъ плѣнныхъ солдатъ , захваченныхыхъ при вылазкахъ и приспупахъ , заспавляя ихъ повторять тоже самое ; равнымъ образомъ употребляли иногда для сего бѣглыхъ нашихъ солдатъ , погоньщиковъ и Козаковъ .

Въ шакихъ обстоятельствахъ приняли мѣры для утвержденія каждого въ соблюденіи своей должности . Нельзя было успокоивать солдатъ приближеніемъ ожидаемой помощи ; ибо сie не только низшимъ чинамъ , но и Офицерамъ шакъ прискучило , что никто безъ

негодованія не могъ шого слушать; спарались внушить каждому, что ничего не выиграють, копорые нарушивъ клятву и учиня измѣну, убѣгунъ въ городокъ; шамъ найдутъ такую же смерть, какъ и въ крѣпости, но смерть негоднаго пруса и клятвопреступника отъ руки злодѣевъ, озлобленныхъ упорнымъ сопротивленіемъ; а если копорые и будуть пощажены, таковыхъ выставятъ пропивъ войскъ и заславлять сражаться пропивъ законной Государыни и опечеслава; что смерть для всякаго если случай необходимый и потому должно избиранть такую, копорая бы сходствовала съ закономъ Божиимъ и не постыдила на Спрашномъ Судѣ, и наконецъ, что великая разница умереть за присягу и вѣрность, не жели бытъ убиту за государственаго злодѣя. Не оставлено и того, чтобы внушить въ нихъ надежду на помощь Бога, копорый видя bla-

гое наше намѣреніе умереть за вѣрность, не нарушая клятвы и присяги, по своему всемогуществу, сверхъ нашего чаянія, можетъ насть спаси, и что грѣшно роптать противъ Святѣйшихъ Его успавовъ, а лучше предать себя волѣ Божіей, нежели служить разбойнику. Сихъ и подобныя тому увѣщанія имѣли надлежащее дѣйствіе, и солдаты, по Христіанской ревности, оправдывались, что хотятъ лучше умереть, нежели изменить Государынѣ и пѣмъ подвигнути на себя гибель Божій (*). Доказательствомъ ихъ усердія служитъ то, что изъ реальнаго въ сіе время не было бѣглыхъ, кроме двухъ, или трехъ человѣкъ.

(*) Какое свидѣтельство вѣрамъ, что вѣра оказываетъ надъ человѣкомъ сильнейшее дѣйствіе и что внушенія ея упѣшительны ему и самимъ величайшимъ несчастіямъ!

Наступила Спрасшия недѣля. Никогда она не была сполько для насъ спрасшию, какъ въ тогдашнее время. Если бы голодъ начался сполько съ сего дня, то еще могли бы прожить шесть сутокъ до Свѣтлого Воскресенія; но гарнизонъ мучился онѣмъ уже около 15 дней, и съ земляною пищею, осталось дожидаться скорой кончины. Солдаты, нежелая умереть въ репраншаментъ, говорили: надобно что нибудь дѣлать; начальники были такого же мнѣнія; рѣшились, взявъ ружья, всѣмъ до одного человѣка ишли на вылазку. Не надѣялись побѣдить, а сполько желали окончить жизнь, какъ прилично солдату, и сколько можно опытить врагамъ за себя и за опиечество. Сие отчаянное намѣреніе спѣшили исполнить въ тѣ же дни, доколѣ люди не пришли отъ голода въ совершенное безсилие; ибо могущихъ подняться оружіе оставалось уже не болѣе 100 чело-

вѣкъ, да и то могли собрашься съ
нуждою; проче же были совсѣмъ
бессильны и не могли рѣшишься на
вылазку. Ударъ на бунтовщиковъ над-
лежало дѣлать къ заваламъ не малой
вышины, наполненнымъ ружейными
бойницами и пушечными амбразу-
рами, защищаемымъ превосходнымъ
числомъ людей; надлежало оныхъ пе-
рельзашь и подвергашься выспрѣ-
дамъ непріятеля, могущаго безъ
всякой попери побить у насъ боль-
шую половину, что послѣдняя вы-
лазка, о которой было прежде гово-
reno, совершенно подтверждаєть.
Такихъ заваловъ надлежало прохо-
дить два. Однимъ словомъ, должно
было идти на вѣрную смерть.

Поушру, въ Понедѣльникъ, наб-
людающіе съ церкви за движени-
ми непріятеля, примѣнили, что
бунтовщики въ смятеніи разъезжа-
ли по городку и начали изъ онаго
выбираться, соединяясь въ одну

царшю; видно было, что опъѣзжающіе прощались; ихъ провожали женщины. Оракулы (*) наши предсказывали близосиѣ войскъ; мы и сами не понимали, какая, кромѣ сей, могла быть всему оному причина, ибо никогда подобнаго смятенія прежде не замѣчено, хотя на прошедшихъ недѣляхъ также опъѣзжали бун-

(*) Сіи Оракулы были Ницкіе Козаки, почиаемые здѣсь очень много. Сообразя обстоятельства, они думали узнать причины всякихъ движений въ городкѣ, и пошому съ самаго Рождества дѣлали предвѣщанія о прибыліи помощи. Спукъ ли въ городкѣ услышашъ, собака ли шамъ залаещъ, увидяшъ ли пріѣзжающаго, или опъѣзжающаго, во всякомъ случаѣ относились къ нимъ, и они должны рѣшишь, чѣмъ это значишь. Къ нимъ обращались и въ настоящемъ случаѣ; но когда они предвѣщали опять прибыліе помощи, то имъ уже не повѣрили. Главный изъ сихъ гадашелей былъ Антонъ Федоровичъ (иначе его не называли) Таликовъ, по немъ войсковой писарь Михайло Михайловъ и проч. Были, правда, въ пломъ числѣ и спарухи, но они пророчили на бобахъ, сказывали явленія, шоковали сны, и имъ вѣришь починалось за грѣхъ.

шовщики по Оренбургской дорогѣ; такія происшествія сполько насы ободрили, какъ будто мы съѣли по куску хлѣба. Съ неперпѣливостію ожидали, чѣмъ буде прѣдѣль далѣе; мало по-малу движеніе начало упихать; вѣзжающихъ и прѣѣзжающихъ было мало и все опять казалось обыкновеннымъ. Минуло за половину дня, а о приближеніи войскъ, по общему мнѣнію и самыхъ предвѣщаний — никакихъ признаковъ не замѣтили. Полагали, что мятежники, если войска подойдутъ къ крѣпости на то верстъ, всѣ обратятся въ бѣгство съ женами и дѣтьми; но сего не было, и мы спали теряя надежду. Голодъ опять предсталъ въ спрашномъ видѣ; печаль, страхъ и уныніе распространялись болѣе прежняго по репраншаменту. Чѣмъ слѣдовало начинать? чѣмъ дѣлать? всѣ молчали, повѣся голову; иѣкоторые часомъ взглядывали на степь, ои-

куда ожидали помощи, но—не видя ни малъйшаго признака, тревожили еще болѣе. Всѣ понимали, что близко рѣшеніе нашей участки; одно скорое вспоможеніе могло насть спаси отъ предстоящей смерти.

Въ 5-мъ часу по полудни, на Оренбургской дорогѣ, изъ-за рощи показались кучи бунтовщиковъ; поднявшаяся пыль доказывала, что они скоро бѣгутъ. Каждая шолпа, прибывъ къ городку, въѣзжала штыми воропами, кои ближе къ ихъ домамъ; изъ-за рощи слѣдовали одна шолпа за другою съ поспѣшностью, и въ безпорядкѣ безпрерывно скакали опрометью кто какъ успѣлъ, безъ значковъ и копій. Городокъ, вспревожась, наполнился бѣгающими взадъ и впередъ, подобно какъ на пожарѣ. Насступила ночь, а превогъ сей и конца не было; все показывало, что ихъ шолпы, не задолго изъ городка выѣхавшия, обращены были въ бѣгство; не менѣе

шого и мы считали себя въ опасности, ожидая, чио они въ отчаяніи непремѣнно всею силою на насъ ударять, и потому приняша въ шопъ вечеръ возможная оспорожность. Едва смерклось, какъ за валами произошелъ шумъ; мы вслушали шопчась въ ружье и начали спрѣлять изъ пушекъ. Тогда они намъ закричали, чтобы прекратили пальбу, объявляя, что приходягть въ повиновеніе къ Ея Величеству и головы все учинишь, чио прикажупъ. Переспавъ спрѣлять, велѣли человѣкамъ премъ подойти ближе, коимъ объявили Комендантской приказъ, чиобъ Апамана Картгина, придворнаго ихъ Шталмейстера Толкачева и всѣхъ спаршинъ шопчась представили въ репраншаменій, а также и жену Пугачева съ ближнимъ шшапомъ ея сперегли. Чрезъ полчаса Апаманъ съ другими семью чиновниками самозванца былъ представленъ, а къ опыс-

канію женщинъ, во время смятѣнія скрывшихся, сдѣланы ими распоряженія. За Перфильевымъ и другими ему подобными вельно сдѣлашь погоню, а къ дому Пугачева поставленъ караулъ. Чрезъ часъ принято было отъ нихъ нѣсколько ковригъ хлѣба на команду. Все сіе кончено не позже, какъ въ 9 часовъ по полудни, а при томъ чрезъ нарочнаго и достовѣрное извѣстіе получено, что слѣдующее къ намъ вспоможеніе находится на рубежномъ форпостѣ, въ разстояніи отъ Яицкаго городка 40 верстъ, чѣмъ всѣ выѣхавшия пропали сего опряда отсюда мятежники въ двухъ сраженіяхъ вчеращенаго и наспоящаго дней разбиты; только немногіе изъ нихъ спаслись бѣгствомъ, въ томъ числѣ и главный Апаманъ Овчинниковъ, и чѣмъ вспоможеніе прибудетъ къ намъ непремѣнно послѣ завтра.

Кто можетъ описать радость

*

гарнизона? Нѣтъ словъ, нѣтъ выражений изобразить ее; и что можетъ сравниться съ чувствами человѣка, по долгу обрѣшагося на смерть, и благимъ Промысломъ, въ воздаяніе сей жертизы, возвращеннаго къ жизни? До Свѣтлого Воскресенія оспавалось еще четыре дни, но для насъ уже настоящій день былъ торжественнѣйшимъ праздникомъ. Самые пѣ изъ насъ, которые опѣ голоду и болѣзни, не поднимались съ поспели, мгновенно были исцѣлены. Все было въ движеніи; разговаривали, бѣгали, благодарили Бога, и поздравляли другъ друга во всю ночь, не думая предаться сну; нѣкоторые были сполна поражены симъ радостнымъ оборотомъ, чи то сомнѣвались въ испинѣ и думали видѣть все во снѣ.

На другой день вечеру прибыло ожидаемое вспоможеніе, преду- скоря походъ цѣльими сушкими. Ра-

доспѣя наша еще умножилась, когда распворились ворота репраншаменса, съ 30 Декабря бывшія запертыми и заваленными пескомъ и землею. Наконецъ мы вышли изъ крѣпости, въ коупорой были заключены съ Ноября мѣсяца; ибо недѣль за восемь до начатія осады выходъ изъ оной запрещенъ былъ подъ сирогимъ наказаніемъ. Вновь прибывшія команды расположились на квартирахъ, офицеры въ самой шой избѣ, гдѣ были больные.

Вопь испорія обороны Яицкой крѣпости, доспойная вниманія позднаго попомства, какъ доспехъальный примѣръ мужества, вѣроноснїи и терпѣнія Русскихъ воиновъ. Бѣдствія, обольщенія и самый ужасъ голодной смерти не могли поколебать ихъ првердости. Здѣсь не выпавлены имена опличнѣйшихъ воиновъ; въ семъ случаѣ надобно наименовать каждого изъ всѣхъ; ибо не было такихъ, ктп бы не оказалъ чего либо особеннаго, превосходнаго.

15 Мая 1774 года.
